

ГЛАВА 10. ПОПОЛНЕНИЕ

— Представиться? — переспросил Лян Чэнь.

— Угу, — Цзянь И энергично закивал. — Вот смотрите: о моём прошлом вы наверняка знаете всё вдоль и поперёк, а я о вашем — вообще ничего. Это как-то несправедливо, не находите?

— О как... — Лян Чэнь с усмешкой качнул головой. — Ну ладно. Говори, что именно тебя интересует. Буду отвечать на вопросы.

— Нет, ну разве вы никогда не представлялись по-нормальному? Типа: «Меня зовут так-то, я оттуда-то, мне столько-то лет». Просто рассказывайте всё, что в голову придёт.

— Ну уж нет. Спрашивай сам. Это ведь тебе любопытно, а не мне.

— Какой же вы всё-таки вредный! — Цзянь И бросил на него недовольный взгляд и нехотя начал: — Как вас зовут?

— Лян Чэнь.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Ого, на девять лет старше меня.

— А что, выгляжу как твой ровесник?

— И близко нет. Откуда вы родом?

— Столица. Пекин.

— Образование?

— Магистратура, заканчиваю в этом году.

— Где работаете?

— Официальной работы пока нет, сейчас прохожу интернатуру здесь, в Шестой больнице, в 3-м

отделении психиатрии.

— Ясно. А увлечения какие-нибудь есть?

— Любовь к вкусной еде считается? А ещё видеоигры, спортзал и автопутешествия.

— Вы любите спортзал? Выглядите довольно стройным.

— Знаешь, есть такое выражение: «В одежде — щепка, без неё — скала». Это про меня.

— И что, у вас и восемь кубиков пресса есть?

— Хочешь взглянуть?

— Не надо, не надо! — замахал руками Цзянь И. — Следующий вопрос... Дайте подумать... М-м, у вас есть девушка?

—... Нет. Одинок.

— О-о... А раньше с кем-нибудь встречались?

— Глупый вопрос. Будь я при такой внешности девственником — это было бы преступным расточительством природных ресурсов.

— Пфф... И... почему вы расстались?

— Личное пространство, на такие вопросы не отвечаю. И вообще, ты что-то раздухарился. Откуда такая тяга к сплетням?

— Просто спросил. Ладно, а какие планы после выпуска?

— Ещё не решил. Либо пойду в докторантуру, либо останусь работать здесь.

— Понятно. А какие у вас достоинства и недостатки?

— Ну... — Лян Чэнь сменил позу и задумался. — Из достоинств: я натура довольно волевая, полная твоя противоположность. В остальном — характер добрый, сердце золотое, лицом красавец, умом...

— Ладно-ладно, хватит. О недостатках давайте.

— О недостатках? Хм, даже не знаю, как сказать.

— Да говорите как есть, будьте честным, — Цзянь И расплылся в лукавой улыбке.

— Ну... — Лян Чэнь в замешательстве поскрёб затылок. — В некоторых вещах я бываю слишком холодным. Мне не хватает инициативы.

— Не понимаю. Приведите пример.

— Ой, не понимаешь — и ладно. Проехали. Следующий вопрос.

— Ха-ха-ха, я понял! — вдруг рассмеялся Цзянь И. — Вы из тех парней, которые, даже если им очень нравится девушка, ни за что не сделают первый шаг, да?

— Что за чушь ты несёшь... Так, всё. Есть ещё что-то? Если нет, то на сегодня закончим. Возвращайся и хорошенько подумай над своим поведением. И хватит этих эмоциональных качелей: то у тебя всё хорошо, то всё из рук валится.

Лян Чэнь закрыл блокнот и поднялся.

— Эй, постойте, доктор Лян! На самом деле у меня есть одна просьба, — Цзянь И задрал голову, глядя на него снизу вверх.

— Слушаю.

— Я хотел попросить бумагу и карандаш. Чтобы рисовать.

— Ого, потянуло на искусство? — Лян Чэнь улыбнулся. — И что, не боишься, что другие увидят?

— Да дело не в страхе. Просто... когда я рисую, я успокаиваюсь. Так в голову лезет меньше всякой дури, — тихо проговорил юноша.

— Хм. Здравая мысль. Я помогу с запросом. Но, Цзянь И, ты не сможешь рисовать двадцать четыре часа в сутки. Попытка просто сбежать от реальности не решит проблему. Тебе всё равно придётся научиться смотреть ей в лицо и давать отпор. Но, учитывая, что сейчас ты к этому не готов, переключить внимание — неплохая идея. Ладно, договорились: с завтрашнего дня в час свободного времени днём тебе разрешено рисовать. Идёт?

Лян Чэнь задвинул стул на место.

— А можно с сегодняшнего? — Цзянь И тоже послушно поправил свой стул.

— Какая спешка, — заметил Лян Чэнь.

— Просто... днём ко всем приходят родственники. А мне всё равно нечего делать, — пробормотал Цзянь И.

От этих слов у Лян Чэня кольнуло в груди. Он кивнул:

— Хорошо. В два часа дня я всё тебе принесу.

— Отлично! Спасибо, доктор Лян, — Цзянь И расплылся в благодарной улыбке.

В час дня, когда Лян Чэнь вышел из кабинета, он увидел в коридоре толпу ожидающих родственников. У каждого в руках были пакеты и сумки. Люди то и дело заглядывали внутрь через стекло, но чаще просто сидели, уткнувшись в телефоны, и молча ждали. Для близких это время было ничуть не легче, чем для самих пациентов. Просто рядом с больными они старались не показывать своей боли, а здесь, в тени, где их никто не видел, каждый выглядел так, будто на его плечи навалилась вся тяжесть мира.

Как только пробило два часа, медсёстры одновременно открыли двери в стационар и в жилую зону. Родственники тут же «завелись», словно по команде: они вымученно-радостно улыбнулись, каждый спешил навстречу своему близкому. В комнате отдыха сразу стало оживлённо, словно на чаепитии. Чэнь Сяо тут же окружили люди, засыпая вопросами о состоянии пациентов. Лян Чэнь окинул взглядом зал, шепнул пару слов Ван Каю и, прихватив бумагу, направился в палаты.

Там тоже были те, к кому никто не пришёл. Большинство просто сидели в прострации, спали или читали. Лян Чэнь подошёл к палате Цзянь И. Да Нин спал, а юноша неприкаянно лежал на кровати, изучая трещины на потолке.

— Хватит сверлить потолок, скоро дыру протрёшь, — негромко произнёс Лян Чэнь, подходя ближе.

— О, доктор Лян, вы пришли! А я боялся, что вы заработаетесь и забудете, — Цзянь И поспешно сел.

— У меня что, память как у рыбки? — Лян Чэнь положил альбом и карандаш на кровать.

— Да нет, просто за дверью такой шум... — Цзянь И схватил альбом. Было видно, как он обрадовался. — Ой, я думал, вы принесёте просто пару листков. А тут целый альбом! — Он пролистал страницы. — И даже без линеек! Класс.

— Двойной сюрприз. Специально купил, когда ходил на обед. Твори, юноша, — Лян Чэнь тут же строго добавил: — Но только попробуй снова нарисовать меня с запором.

Цзянь И хихикнул:

— А что, глядя на тот рисунок, вам и впрямь хочется в туалет?

— Так, — Лян Чэнь притворно нахмурился. — Ты ещё поговори мне тут.

За те два часа, что длились посещения, Лян Чэнь успел проверить гору передаток и ответить на сотню однотипных вопросов. К концу приёма у него в голове стоял гул. Когда он снова заглянул к Цзянь И, тот всё так же увлечённо рисовал, растянувшись на кровати. Да Нин уже проснулся и сидел рядом, замороженно наблюдая за процессом. В палате было шумно, но этих двоих мир вокруг совершенно не заботил.

— Ну как успехи? Что рисуем? — Лян Чэнь заглянул через плечо. — Ого, сегодня стиль сменился.

Цзянь И улыбнулся, выпрямился и размял затекшую поясницу, после чего протянул альбом врачу. На этот раз он нарисовал маску пекинской оперы. Лян Чэнь не особо разбирался в театре и не мог понять, кто это — «ушэн» или «лаошэн», но работа была выполнена мастерски.

— Неплохо, очень неплохо, — Лян Чэнь одобрительно хмыкнул. — Куда душевнее, чем тот шарж на меня. Не знал, что ты увлекаешься оперой.

— А? — Цзянь И растерянно моргнул. — С чего вы взяли?

— Ну, ты же маску нарисовал, — Лян Чэнь указал на рисунок.

— Вообще-то, это Янь-ло, — Цзянь И указал на рисунок.

Лян Чэнь потёр переносицу:

— Похоже, похоже. Это я невежда, мало повидал.

Цзянь И вернул карандаш, но альбом прижал к груди:

— Можно я оставлю его у себя?

— Можно. Положи в тумбочку.

— Да зачем, я под подушку спрячу, — Цзянь И приподнял подушку и запихнул туда альбом. — Так проще, не надо лишний раз вставать и ходить за ним.

— Ох, мать божья... — Лян Чэнь указал на подушку: — Ты собираешься спать на Владыке Ада? Не боишься, что по твою душу придут?

— А? И вправду... — Цзянь И неловко засмеялся и вытащил альбом обратно.

— Вырви эту страницу. Боже мой, нашёл что рисовать — Янь-ло. — Лян Чэнь забрал альбом. — Если не знаешь, что изобразить — лучше продолжай рисовать меня в дурацком свете. Но если ещё раз увижу подобную жуть — конфискую всё.

— Эй-эй-эй! — Цзянь И скрепя сердце смотрел, как врач вырывает страницу. — Ладно, я понял.

— Всё, скоро ужин. Ты весь день рисовал, дай глазам отдохнуть. — Лян Чэнь сунул «Владыку Ада» в карман и вышел.

После того памятного разговора состояние Цзянь И немного стабилизировалось. Хотя он всё ещё иногда разговаривал сам с собой или надолго впадал в протрацию, эксцессов больше не случалось. Аппетит оставался слабым, но он перестал упорствовать и отказываться от еды. Когда настроение было получше, мог съесть что-нибудь мучное, а если накатывало — покорно доедал питательную кашу. Каждый день он проводил час за рисованием, и его стиль менялся ежедневно. Врачи и медсёстры вскоре узнали о его таланте и частенько хвалили парня. Когда он брался за карандаш, другие пациенты иногда подходили посмотреть, пытались завязать разговор, но Цзянь И упорно игнорировал всех, кроме Да Нина.

«Ничего, со временем научится», — думал Лян Чэнь, наблюдая со стороны.

Врач больше не опекал его так явно. Он считал, что сказал всё, что должен был, и теперь всё зависело от самого Цзянь И. Сам Лян Чэнь продолжал жить в привычном ритме: курсировал между амбулаторией и стационаром, проводил реабилитационные занятия не только для Цзянь И. После работы — зал, ужин. По выходным — пара бокалов с Пэй Сяном. Жизнь была куда приятнее, чем в Штатах. Даже Ван Кэцзя больше не объявлялся. Поначалу Лян Чэнь опасался, что тот перейдёт к действиям, но прошла неделя, родители вели себя как обычно, и он решил просто выкинуть эту историю из головы.

Пролетела ещё неделя. Как-то за обедом Чэнь Сяо, вернувшийся из приёмного покоя, сообщил,

что к ним поступает новый пациент — сейчас оформляют документы.

— Что там? — Ван Кай взял историю болезни. — Ох, мать твоего... Маниакальный синдром. Самый нелюбимый мой тип.

— Говорят, семья до последнего не хотела его класть. Но за этот месяц он трижды разгромил квартиру. Родители не выдержали. — Чэнь Сяо отпил воды и добавил: — Пацану всего семнадцать.

— Нам точно пора открывать подростковое отделение, — заметил Ван Юнбо. — В последнее время всё больше молодёжи. В какую палату его?

— Да выбора-то особо нет, почти всё забито, — Чэнь Сяо хмуро изучал план отделения. — Придётся в шестую. Там у нескольких пациентов свои сиделки, если начнётся приступ — хоть будет кому помочь скрутить, риск для остальных меньше.

— Главное — держите его подальше от Цзянь И. Чувствую, между ними могут полететь такие «искры», что всё отделение полыхнёт, — Ван Кай сокрушённо покачал головой.

Семнадцатилетнего парня звали Ли Хуэй, его привёл отец. Когда они закончили с формальностями, Лян Чэнь уже собирался домой — ему предстояла ночная смена. Он бегло просмотрел документы и ушёл. Чэнь Сяо переговорил с отцом Ли Хуэя, и тот уехал.

Новичок пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Радостно помахав папе на прощание, он тут же подскочил к врачам.

— Привет, супер-доктора! Я Ли Хуэй. Папа сказал, я тут пару месяцев погощу. Рассказывайте, тут весело? Чем занимаетесь весь день? — парень так и лучился неумемной энергией.

— Э-э... дел немного, главное — слушаться врачей и медсестёр. Сейчас медсестра проводит тебя и покажет, что тут и как, — ответил Чэнь Сяо.

— Да не вопрос! Всё сделаю, как скажете, боссы. А какие вообще требования? — Ли Хуэй болтал без остановки, даже не думая сдвинуться с места.

— Все требования тебе объяснит медсестра. Один день поживёшь — сам поймёшь. И ещё: у нас не принято называть врачей «боссами» или «супер-докторами». Просто «доктор», — Чэнь Сяо едва сдержался, чтобы не прижать ладонь к лицу.

— Замётано! Если надо будет в чём помочь — зовите, я парень не промах! Ну, я пошёл.

Сестрёнка, веди меня! — он обернулся к медсестре.

— Давненько я не видел таких... инициативных пациентов, — Ван Кай проводил его взглядом.
— Есть у меня предчувствие, что скоро в нашем отделении станет куда шумнее.

Едва Ли Хуэй разложил вещи, он тут же кинулся знакомиться с соседями по палате. Даже достал принесённые сладости и начал всех угощать. Цзянь И в это время рисовал. Ли Хуэй подошёл к нему с двумя шоколадками.

— Эй, это тебе, — он протянул руку, загородив рисунок.

Цзянь И поднял взгляд, буркнул «спасибо», взял шоколад и тут же протянул его сидящему рядом Да Нину.

— Э-эй! — Ли Хуэй выхватил шоколад у Да Нина и всучил его обратно Цзянь И. — Это тебе. Для него у меня тоже есть. На, держи, — он отдал вторую плитку Да Нину.

— Спасибо! — Да Нин счастливо осклабился, тут же сорвал обёртку и запихал плитку в рот.

— Вкусно? — спросил Ли Хуэй.

— Ага, очень! Спасибо!

— Ну так и ты ешь. Шоколад — отпад, отец из-за границы привёз, — с гордостью заявил парень.

— Спасибо. Но мне нельзя. Пусть он съест, — Цзянь И снова отдал шоколад Да Нину.

— Да почему нельзя-то? — Ли Хуэй бесцеремонно уселся рядом. — Ты такой тощий, тебе наоборот надо побольше калорий наворачивать.

— У меня анорексия. Я ем только то, что прописал врач, — Цзянь И снова уткнулся в альбом.

— Охренеть, анорексия! Ну точно, дистрофик. Слушай, а каково это? Тебе реально совсем жрать неохота? Матерь божья, да я если день не поем — с катушек слечу. Ты прям кремень! — Ли Хуэй начал активно жестикулировать. — Мне говорили, что тут контингент разный, но чтоб такой... Слушай, а кроме этого у тебя ещё что-то есть? Кстати, тебя как звать?

— Цзянь И, — юноша отложил карандаш и критически осмотрел рисунок. Трёп Ли Хуэя напрочь сбил ему настрой.

— Красивое имя. О, а что это ты рисуешь? Похоже на храм. Ты учился где-то? Выглядит круто.

Я вот вообще не по этой части. Мама заставляла на пианино играть, я пару дней продержался и всё — край. Ты не представляешь, какая это нудятина — по клавишам стучать. Со стороны вроде красиво, а как сам сядешь — бесит невероятно. В общем, когда мать в очередной раз полезла с этой музыкой, я это пианино в щепки разнёс. Пообещал, что вообще дом спалю, если она ещё раз заставит. Она так перепугалась, что больше инструмент не упоминала, хе-хе. Дома вообще всё по-моему: что скажу, то и будет, они вякнуть не смеют. Потом я как-то на тхэквондо захотел, мать меня записала, а я передумал. Ну, она и слова не сказала — пошла и забрала деньги. Я такой человек — зажигаюсь быстро, но на три минуты хватает, ничего не поделаешь.

— Твои родные такие добрые, — с завистью выдохнул Да Нин.

— Добрые? Да все предки такие. Только бесят иногда. А как взбесят — я начинаю крушить всё подряд в квартире. Сразу шёлковыми становятся, — похвастался Ли Хуэй.

Цзянь И поднял голову и в упор посмотрел на него. Ли Хуэю стало не по себе под этим взглядом.

— Чего? Ты чего так пялишься?

Цзянь И поднял руку и ледяным тоном произнёс:

— Выметайся.

— Чего-о?! Ты что несёшь? — Ли Хуэй вытаращил глаза. — Я тебе что сделал?!

— Я не хочу слышать твой голос.

— Да что с моим голосом не так?! Я про тебя слова плохого не сказал! С чего вдруг ты взъелся?

— Ли Хуэй вскочил с места. — И вообще, с хера ли я должен уходить? Палата не твоя личная. Не хочешь слушать — сам вали. Я с ним поболтаю. А если такой нежный — пусть твои мамочка с папочкой раскошелятся на отдельный люкс, чтоб тебя никто не беспокоил. Ишь какой выискался, пуп земли... Псих ненормальный.

Ли Хуэй развернулся, чтобы уйти, но Цзянь И окликнул его по имени.

— Чего тебе ещё? — Ли Хуэй обернулся.

Цзянь И резко вскочил и с размаху впечатал кулак ему в лицо.